

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО НОСОВОГО $\ddot{o}$ ($j\ddot{o}$)

В поздний праславянский период и в ранний период существования отдельных славянских языков предполагается наличие трех носовых гласных: ρ , ϵ и $\ddot{o}$ (традиционно $j\ddot{o}$). Эти три носовых звука в старославянской глаголической системе обозначались следующими тремя буквами: Ѣ (ρ , в кириллице Ѣ), Ѥ (ϵ , в кириллице Ѥ) и Ѧ ($\ddot{o}$, в кириллице Ѧ). Объяснение возникновения носового $\ddot{o}$ (традиционно $j\ddot{o}$) является весьма затруднительным, так как параллельный лабиальный задненебный o имеет палатальный антипод e , а не $*\ddot{o}$: например, ст.-сл. моѣж доушѣ (асс. sg.) против наше морѣ . Мы считаем, что лабиализованные носовые, т. е. ρ и $\ddot{o}$, существовали только на части славянской территории, именно в тех языковых областях, на которых позже развились сербохорватский и словинский языки, некоторые болгарские и македонские диалекты и все нелехитские северославянские языки¹. Хотя в связи с этим отпадает проблема возникновения носового $\ddot{o}$ для лехитских языков, для среднемакедонского и некоторых диалектов болгарского языка, в остальных языках этот носовой можно предполагать, и при изучении развития славянской фонологической системы необходимо объяснить его возникновение.

В отличие от носовых ρ и ϵ носовой $\ddot{o}$ встречается в ограниченном числе случаев и почти всегда в окончаниях или в деривативных суффиксах. В большинстве случаев этим формам противопоставлены формы с велярным ρ . Носовой $\ddot{o}$ имеет в старославянском языке следующие формы:

1. Асс. sg. $i\ddot{a}$ -основ и $i\ddot{i}\ddot{a}$ -основ в именном и местоименном склонении, например: доушѣ , ѣ , доброѣѣ , вышнѣѣ , ладѣѣ , вельѣѣ .

2. Instr. sg. всех основ и склонений женского рода, а также $i\ddot{a}$ -основ и $i\ddot{i}\ddot{a}$ -основ мужского рода и instr. sg. личных местоимений, например: женоѣ , костѣѣ , юношеѣ , балѣѣѣ , тоѣѣ , кѣѣ ; мѣноѣ , товоѣѣ , собоѣѣ ; доброѣѣ (доброѣѣ), вышнѣѣѣ (вышнѣѣѣ).

3. 1 л. sg. глаголов с $i\epsilon$ -основой наст. вр. (III класс), с o/e -основой наст. вр. с предшествующим корневым $-i-$ (несколько глаголов I класса) и глаголов с i -основой наст. вр. (IV класс), например: знаѣѣ , мелѣѣ , сѣѣѣ , орѣѣ , дѣлаѣѣ , цѣлаѣѣѣ , коупоуѣѣ ; выѣѣ , хвалаѣѣ , трьпаѣѣ .

Во всех трех случаях предполагаем и.-е. $*-i\ddot{a}m$ или $*-i\ddot{o}m$ ², слившееся в праславянском в $*-j\ddot{a}n$ ³.

4. 3 л. pl. этих же глаголов, за исключением i -основ наст. вр. (IV класс), например: знаѣѣтѣѣ , мелѣѣтѣѣ ; выѣѣтѣѣ (но хвалаѣѣтѣѣ , трьпаѣѣтѣѣ в результате соответствующего развития из $*-int-$).

¹ См.: F. V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty. — „Slavia“, roč. 25, 1956, стр. 491—492, §§ 70—71 (далее сокращенно: Vznik. . .).

² Ср. O. Huječ. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910, стр. 92—93. Там же ссылки на остальную литературу.

³ См.: F. V. Mareš. Vznik. . ., стр. 452, § 19; стр. 454, прим. 40.

5. Все падежи *particip. praesentis activi* типа **znājōtj-*, **byjōtj-* (на-пример *знаѡци-*, *быѡци-*), кроме *nom. sg. муж.* и *ср. рода* (южнославянское *znaje*, северославянское *znaja*).

6. Наречия *ждоу* (же) и *ждѣ* (же) и производные от них.

В пунктах 4 и 5 предполагаем и.-е. **-jōnt-*, в 6-м пункте — **-jōmt-*, одинаково дающие праславянское **-jānt-*.

Попытки объяснить это явление фонетически⁴ не увенчались успехом: согласно этим объяснениям, нужно принимать во внимание особое развитие звука только для того, чтобы объяснить формы с *ř*, не включая данное явление в общее развитие системы. Поэтому Н. С. Трубецкой объяснил возникновение *-ř* морфологической аналогией с велярным *ɸ*. Его мнение разделяли также А. Вайан и К. Горалек (с определенными оговорками), а также автор данной статьи⁵. Хотя *ř* очень часто находится именно там, где в морфологической системе, как правило, имеются параллельные формы велярных парадигм, например, ст.-сл.: *женж* — *доушж*, *тж* — *ж*, *несж(тъ)* — *знаж(тъ)*, *несжци* — *знажци*, *кждоу* — *ждоу* и т. д., все же можно привести ряд существенных возражений против объяснения возникновения этого звука путем морфологической аналогии.

1. Морфологическая система в древности не переносила окончания в другие парадигмы без особых причин. Основанием для заимствования окончания было или возникновение форм с интерфлексией, или возникновение нежелательной омофонии некоторых падежных форм⁶. В *ass. sg. duř* в северославянских языках причин для заимствования окончаний не было, так как *gen. sg.* и *ass. pl.* звучали различно (окончательная форма была *duř* — с „третьим *ě*“). Также *gen. sg.* местоимений женского рода имел в северославянских языках прежний *ѣ* (*tojě*) и, следовательно, явно отличался от *instr. sg.* Мешало ли совпадение 1-го л. *sg. praes.* с *nom. particip. praes. act. муж.* и *ср. рода* (*znaje*), нельзя с уверенностью сказать до изучения системы спряжения; но в чешском языке, в русском языке и, по-видимому, в северославянских языках вообще эти деепричастия имели другие окончания, например, др.-русск. *знаѡ* (исконное). В 3-м л. *pl. praes.* в деепричастных формах *znājōtj-* и в наречиях *jōdu*, *jōdě* не было совпадения омофонных форм вообще.

2. Мне неизвестны в древности факты создания особого нового звука в результате морфологической аналогии. Я думаю, что и в позднейших фазах развития славянских языков их найти нелегко. Суть дела не меняется и от того, что *ɸ* — *ř* являются, вероятно, только вариантами одной и той же фонемы⁷.

⁴ См., например: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 388; V. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, 2. Aufl. Berlin, 1912, стр. 110; A. Meillet (A. Vaillant). Le slave commun, 2. éd. Paris, 1934, стр. 56, 120; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 115—116; ср. также: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 205.

⁵ N. Trubeckoj. Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun. — RÉS, t. 2, 1922, стр. 217—234; его же. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 68 и след.; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950, стр. 192, 215; K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků, 1. vyd. Praha, 1955, стр. 113; F. V. Mareš. Vznik. ., стр. 492, § 71.

⁶ См.: F. V. Mareš. Powstanie i wczesny rozwój deklinacji słowiańskiej. — „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze (Filologia). „Kraków, 1962, § 10, 11, 12 (в печати), а также Ф. В. Мареш. Возникновение и раннее развитие славянской системы падежей. — ВЯ (в печати).

⁷ Единственным случаем семантической релевантности носового *ř* является ст.-сл. жж 'веревка, цепь': жж *ass. sg. f. pron. relat.*; но и здесь помимо „глаголического“ кирилло-мефодиевского архетипа *j-* был, очевидно, носителем различия в местоименном аккузативе *jřže*, которого не было у сущ. *ɸže*. Ср. N. Trubeckoj. Altkirchenslavische Grammatik.

3. Нельзя объяснить морфологической аналогией instr. sg. *dušejō*, *tojō*, *тѣпојѣ*, вообще не имевший велярного антипода *ϕ*.

4. Если морфологическая аналогия вела в 3 л. pl. praes. к возникновению *ō* в формах типа ст.-сл. *ЗНАИЖЪ*, *БЫЖЪ*, почему она не действовала у глаголов IV класса и не создала звучания **chvalōtъ*, **trъpōtъ*, у которых в 1 л. sg. praes. также *ХВАЛЖ*, *ТРЪПЛЖ*? Ведь в этом случае мы можем посчитать с хронологией и возразить, что изменение *ǫ* в *ō* произошло раньше исчезновения носового *i*.

5. Почему при помощи подобной аналогии не возникло **našō morō* ном.-асс. sg., **jōže* ном.-асс. sg. pron. relat. или **dušō* voc. sg. и т. д.?

При изучении фонологического развития праславянских конечных слогов мы уже пришли к выводу, что в асс. sg. мужских *iō*-основ (само собой разумеется, и *iĭō*-основ) — тип ст.-сл. *НОЖЪ* (*жрѣѣни*), как и в формах типа ст.-сл. *НОЖА* асс. pl., *ДОУША* ном.-асс. pl. и gen. sg., *j* в положении перед гласным исчез рано; он слился с последующим, артикуляционно, так сказать, тождественным *i* неслоговым, в краткое *i* (традиционно обозначено *ʷ*)⁸.

В результате этого существенно меняется ситуация и для объяснения возникновения *ō*: везде, где отмечен этот носовой, ему предшествовал *j*; хотя *j*- позже дефонологизировался и мог исчезнуть (и.-е. **dheusiām* > слав. *dušjō* > *dušō*)⁹, все-таки здесь он сохранялся значительно дольше, чем в случаях типа старославянского *НОЖЪ*, *НОЖА*, *ДОУША*. И наоборот: предполагаемое праславянское **-jān* впоследствии всегда дает *-ō*. Следовательно, можно без затруднения констатировать, что праславянское **jān* на почве сербохорватского, словинского, частично болгарского и македонского языков, а также в нелехитских северославянских языках имело соответствующую фонетическую замену *ō*. (Это исконное праславянское *jān* может быть заменой как и.-е. **-iām*, **-iōm*, возможно **iēm*¹⁰ в конце слова, так и **-iom-*, **-iop-* перед согласным). Что касается хронологии, то *ō* возник раньше, чем *j*- протетический; например, в словах *jetra* 'печень', *najeti* 'нанять' лабиализованный носовой не появился; точно так же уже не развился он в южнославянских формах *moje*, *kraje* асс. pl. (там возник новый *j* гиагического происхождения вместо давно исчезнувшего этимологического *j*).

Причина специфического фонетического развития группы *jān* на первый взгляд представляется не совсем ясной. По-видимому, этому содействовали как положение перед *j*, так одновременно и назальный элемент, — следовательно, наличие и взаимодействие обеих составных частей данной фонетической группы: только соединение *j + ā* не вело к **jō*, точно так же *ā + n* не давало **ōn*. Обоснованность этого заключения подтверждается другим, весьма наглядным фактом: когда позднее возник протетический *j*- и оказался в положении перед носовыми (например, ст.-сл. *ЯЗЫКЪ*, *ЯТИ*), это сочетание в двух языковых областях, очевидно, независимо друг от друга, развивалось своим, по виду аномальным, путем.

⁸ Развитие происходило по закону сохранения количественной характеристики слогов (числа их мор): и.-е. **-iōm* > слав. **-jān* > *-jān* > *-iŋ* (с излишней долготой в 2 моры) > *i* = традиционный *-ь* (нож). Точно так же и.-е. **-iāns* > *-jāns* > *jəŋs* > *iŋs* (с излишней долготой в 3 моры) > южнослав. *-e*, северослав. *-ě* (ст.-сл. *ножа*, северослав. *пожѣ*). И так, *-j*- исчез здесь раньше возникновения *ϕ*. Мягкость согласного в конце корня (например, *ž* в *пожь*, *пожѣ* — *пожѣ*) возникла в результате выравнивания с другими формами, в противном случае появилась бы нежелательная интерфлексия. См.: F. V. Mareš. Powstanie i wczesny rozwój. . . , стр. 2, 36, 13. Сюда же, вероятно, относится и южнослав. part. praes. act. типа ст.-сл. *знаи(и)*, которое я возвожу к первоначальному **-iāns*.

⁹ Ср. F. V. Mareš. Vznik. . . , стр. 471—472, § 47.

¹⁰ У основ на *-iē*. См.: O. Nujer. Указ. соч., стр. 3.

1. В среднеболгарских церковнославянских текстах *je, če, še, že, ště, žde* соответственно переходят в *jo, čo, šo, žo, što, ždo*¹¹. В среднемакедонском говоре, положенном в основу македонского литературного языка¹², ясно выражено особое место слога *jo* сравнительно с остальными упомянутыми мягкими слогами: вместо ст.-сл. ѣ везде *ja*, например: *jazik, jačmen* (подобно тому как, например, *paка* вместо старославянского непалатального рѣка); после всех остальных согласных имеем *e*, являющееся в македонском языке соответствующей заменой *je*, например, не только *пет, ред* 'пять', 'ряд', но и *често, жед* 'часто', 'жажда'¹³.

2. В чакавских говорах сербохорватского языка также после палатальных согласных вместо первоначального *je* наблюдается непривычная замена *a*, и опять-таки именно после *j* (*jazik, jačmen*)¹⁴.

Ни в одном из этих случаев не может идти речь об изменениях, мотивированных только положением после *j* или только назальностью. Ни в одной из языковых областей не имеет особого развития только сочетание *je* (например, в числительном *jedinъ*) или только *je* (например, в слове *petъ*). Отсюда следует, что это явление восходит еще к эпохе до деназализации носовых. Лабиализация в этом развитии очевидно не играла никакой роли: чакавское *ja* нельзя вывести из лабиализованного носового, в среднемакедонском наречии ни один велярный носовой не был лабиализован (вместо *o* осталось *o*)¹⁵.

Зато как в болгарско-македонской языковой области, так и в чакавской переднее *ä* после палатальных, т. е. в положении фонологически нейтрализованном, явно депалатализуется. Таким образом, по всей вероятности, депалатализация вокальных происходила раньше и сильнее всего именно после *j*, а наличие носового элемента ее, очевидно, поддерживало¹⁶.

Итак, можно высказать обоснованное предположение, что когда-то, в праславянскую эпоху, происходило то же самое: в соединении с предшествующим *j* и с последующим носовым элементом древнее *ä* раньше и сильнее депалатализовалось, так что возникал какой-то оттенок *ä*, являющийся с фонологической точки зрения позиционным вариантом уже не палатального *ä*, но непосредственно велярного *a*, с которым он затем соответственно разделил дальнейшую судьбу, т. е. изменился в *o* (так же как *a > o*, *aj > o*)¹⁷. Иными словами: в то время, когда происходило изменение носового *aj* в *o*, соответственно совершенно изменился и его комбинаторный вариант *jaj* в *jo*.

Возникает вопрос, является ли точным графическое выражение традиционного *jo* знаком *o*, не следует ли писать *ř*. Но это уже относится скорее к графике, так как *o* — *ř* одинаково были только комбинаторными вариантами одной и той же фонемы; кроме того, когда установились гласные среднего подъема (*o* и *e*), тембровая корреляция гласных точно так же уже распадалась, по крайней мере в отношении фонологического действия¹⁸.

¹¹ См.: V. Vondrák. Указ. соч., стр. 145—146.

¹² См.: K. Кепески. Македонска граматика. Скопје, 1946, стр. 8.

¹³ H. G. Lunt. Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje. 1952 (в словаре).

¹⁴ V. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I, 2. Aufl. Göttingen, 1924, стр. 153. Ср. также С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 283. Уже в глаголических хорватских текстах чакавского происхождения *ja* вместо *je* отмечается часто, особенно в слове *jazik*.

¹⁵ F. V. Mareš. Vznik..., стр. 490—491, § 70—71.

¹⁶ Возможно потому, что носовые всегда имеют более низкую артикуляцию.

¹⁷ F. V. Mareš. Vznik..., стр. 483—484, § 60; стр. 486, § 63; стр. 491, § 68.

¹⁸ Там же, стр. 480—483, § 57—59, стр. 486—487, § 63.

Примечание. Асс. sg. мягких, но не йотированных $\bar{a}$ -основ (т. е. в словах с так называемой III палатализацией) действительно мог возникнуть морфологическим путем при слиянии этой парадигмы с $i\bar{a}$ -основами. Первоначальный асс. sg. $\acute{a}v\bar{b}c\bar{c}\bar{c}$ был заменен формой $ov\bar{b}c\bar{c}$ по образцу $du\bar{s}\bar{c}$; в южнославянских языках для этого была особая причина, именно омофония с асс. pl. Очевидно, такая же аналогия наблюдается у наречий $s\bar{c}du - s\bar{c}d\bar{e}$ и $v\bar{b}s\bar{c}du - v\bar{b}s\bar{c}d\bar{e}$.

Итак, носовой гласный $\bar{o}$ возник путем соответственного фонетического развития из древнего $j\bar{a}n$ в положении на конце слова или перед согласным. Это происходило в тех языковых областях, где появился также лабиализованный велярный носовой $\bar{o}$.
